

КОНЦЕПЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

В.В. Бабошин, Э.Т. Майборода

Процессы глобализации изменили мировой порядок, сформировавшийся после Второй мировой войны и обеспечивавший относительно стабильное существование мирового сообщества на протяжении нескольких десятилетий, и тем изменили существующую парадигму национальных интересов. Сохранившееся многообразие современного мира не может повлиять на его теперь уже однополюсную структуру. Процессы глобализации закрепляют эту структуру и место в ней стран Запада во главе с США. На обозримую перспективу попытки воссоздания одного или нескольких полюсов противостояния Западу (а ведь именно такова семантика термина «полюс»), по-видимому, останутся безуспешными и контрпродуктивными (1). Реалистический, даже прагматический курс несовместим с политическим мышлением, оставшимся от времени, когда относительная стабильность миропорядка опиралась на двухполюсность, на равновесие силы, стратегические паритеты, а международные организации (ООН, ОБСЕ и др.) обслуживали главным образом поиск равнодействующей в противостоянии «двух мировых систем». Поскольку в настоящее время создание мирового правительства, наделенного широкими правами и соответствующими ресурсами, находится за пределами реальности даже в отдаленной перспективе, такую роль, казалось бы, должна выполнять ООН. Но структуры этой организации не раз уже оказывались слишком громозд-

кими и малоэффективными для разрешения безотлагательных кризисных ситуаций. По факту они стали замещаться либо органами западных союзов, либо даже отдельными государствами или группами заинтересованных государств, предпринимающими односторонние действия, скажем, на основе небесспорного толкования ранее принятых решений ООН. Позицию, не размытую «политкорректными» оговорками, формулирует английский исследователь А.Бэттлер: «каркас международной безопасности формируют наиболее мощные в экономическом и сильные в политическом отношении государства, что позволяет им навязывать остальному миру свои национальные интересы, превращая их в интересы международных. Существуют два способа добиться этого: или самому стать сильным, или присоединиться к сильным государствам» (2).

Национально-государственные интересы формируются в соответствии с геополитическими параметрами и ресурсными возможностями государства в точках пересечения множества взаимопереплетающихся, взаимосвязанных, взаимодополняющих, конфликтующих, разнонаправленных структур, интересов, предпочтений, симпатий, антипатий и т.д. На их формирование значительное влияние оказывают уровень экономического развития страны, ее вес и место в мировом сообществе.

Однако, несмотря на столь весомую роль национального интереса, в науке до сих пор не достигнуто согласия не только в его трактовке, но и в признании его существования. Например, ряд ученых Дж. Кеннан, Б. Капустин, Дж. Розенау отрицают значение национальных интересов в силу их содержательной неопределенности, что, по их мнению, создает условия для навязывания социально разрозненному обществу ложной и заранее заданной общности интересов, широкие возможности для спекуляций и манипулирования общественным мнением (3). Тем не менее большинство теоретиков все же использует данное понятие для анализа политической реальности, расходясь, правда, в понимании его природы и назначения. Так, одна группа ученых исходит из идеологической трактовки Национального интереса, предполагающей формулировку политических целей в рамках заранее заданных ценностей и культурных значений. При таком понимании национальные интересы нередко выступают в виде разнообразных духовных конструкций – «русской идеи», «американской мечты», «духа фатерланда», и т.п. (4).

Данная трактовка национальных интересов программирует прежде всего эмоционально-чувственные мотивации политического поведения представителей определенных наций (государств), закрепление в их политических программах и лозунгах неких вневременных оценок, подходов, стереотипов. При определенной позитивности такого понимания национальных интересов и соответствующих действий, демонстрирующих, к примеру, «принципиальность» политики, ее «приверженность идеалам и принципам», подобные формы общеколлективных целей, как показывает практический опыт, только усугубляют разногласия с конкурентами и драматизируют видение политической ситуации. Более того, такое положение ставит государство как политический институт в заведомо проигрышное положение в борьбе с конкурентами, способными более гибко относиться к оценке

ситуации, маневрировать, корректировать свои цели и задачи.

Другая трактовка национальных интересов предполагает прагматическое отношение к ним, характеризующее соответствующие цели как непременно позитивное, но содержательно разнообразное общеколлективное благо. При таком подходе не существует никаких окончательных представлений о том, что и как надо достигать. Все содержательные параметры национальных интересов зависят от обстановки. Поэтому у носителей таким образом понимаемых национальных интересов постоянно меняются и «вероятные» союзники, и «потенциальные» противники нации (национального государства), и позитивные, и негативные оценки внешней и внутренней ситуации (5). Однако при всем этом сохраняются две универсальные цели: процветание граждан и усиление мощи государства. Причем средствами обеспечения этих целей в основном признаются экономический потенциал и военная сила.

На примере внешней политики такой подход к пониманию национальных интересов ярко продемонстрировал известный немецкий теоретик Г. Моргентау утверждавший, что цели внешней политики должны определяться в контексте национального интереса и поддерживаться определенной силой. При этом содержание самого национального интереса, по мнению Г. Моргентау определяется самим государством и не предполагает каких-либо иных ограничений кроме силы, которой оно располагает по отношению к силе взаимодействия с ней других государств (6).

Реальность национального интереса выявляется в процессе и по мере его осуществления. А это, в свою очередь, предполагает наличие волевого и деятельностного начал, а также средств для реализации поставленных государством целей. С данной точки зрения политику можно рассматривать как важнейшее средство реализации национальных интересов.

Система национальных интересов – многоуровневое образование. Национальные интересы – многомерное про-

странство со сложной топологией и при этом внутренне целостная структура. Классифицировать интересы можно по-разному, выделяя внутренние и внешние, политические, культурные, экономические, экологические, национальной безопасности, информационные и т.д. Можно выделить интересы тактического и стратегического уровня, региональные и глобальные интересы. Необходимо выделить интересы универсальные, присущие всем национальным субъектам, и специфические.

Особое поле – интересы, вытекающие из идентичности. Каждое конкретное общество входит в более широкие – региональные, цивилизационные, этнические, расовые и другие – целостности.

Национальные интересы, экстраполированные на внешний мир, различаются по своей значимости и влиянию на международной арене. По данному признаку они подразделяются на жизненно важные, или главные, и второстепенные, постоянные и переменные, долгосрочные и конъюнктурные.

Главные и постоянные национальные интересы определяются важнейшими геополитическими параметрами: местом и ролью данного государства в системе межгосударственных отношений, его престижем и относительной военной мощью, способностью отстаивать свой суверенитет и гарантировать безопасность своих союзников и т.д.

Каждое государство по-своему оценивает относительную важность каждой из преследуемых им целей. Способность государства реализовывать их зависит от многих факторов: его геополитического положения, истории, культуры, политической системы, руководства, характера взаимоотношений с другими государствами и т.д.

Государство обеспечивает свои интересы всеми имеющимися в его распоряжении средствами: политическими, идеологическими, экономическими, дипломатическими, военными. Последним средством является угроза применения или реального применения силы вплоть до объявления войны.

Второстепенные и переменные интересы носят производный от первых характер. Изменяясь в зависимости от внешнеполитических факторов, они могут служить предметом торга при реализации главных и постоянных интересов государства.

Установление иерархии интересов имеет самое прямое отношение к каждому члену общества, поскольку иерархия интересов – это иерархия усилий всего общества, иерархия ресурсозатрат и жертв. Люди должны знать, на какие усилия общество готово идти во имя того или иного интереса (7).

Первая и абсолютная ценность – физическое сохранение конкретного народа как этнокультурного целого, сохранение его самотождественности, сохранение единства этноса и принадлежащей ему культуры обретает статус абсолютного приоритета.

Любая этнокультурная общность задана на самосохранение. Однако далеко не каждая располагает потенциалом к формированию механизмов самовоспроизводства, адекватных современной ситуации. В предлагаемой теоретической перспективе генезис нации и создание национального государства предстают эффективными механизмами самовоспроизводства больших этнокультурных целостностей. Те общности, которые не способны к выходу на этот уровень, скорее всего, обречены уйти с исторической арены. Наблюдаемый нами всплеск регионализма во всем мире задан этими процессами.

Государственные интересы формируют второй уровень в системе национальных интересов. Прежде всего, это задачи утверждения и защиты государства как выразителя интересов нации. Подчеркнем одно принципиально важное положение – государство не является, безусловно гарантированным выразителем национальных интересов. Политика государства не только может расходиться с интересами нации; в отдельных случаях государство может оказаться инструментом национальной катастрофы.

Первый и высший уровень – создание (воссоздание для утративших, обрете-

ние для становящихся наций) государственности, оформление и конституирование государства. Включает признание ведущими мировыми державами и международными организациями.

Следующий уровень – утверждение суверенитета и независимости, декларация способности к проведению политики, соответствующей национальным интересам.

Отметим только, что достижение абсолютного, предельного суверенитета не является самоцелью. Любые межгосударственные соглашения по своей природе связывают и ограничивают суверенитет сторон. Создание союзов и объединений предполагает делегирование части суверенных прав в руки наднациональных органов. Это нормальная практика, отвечающая стратегическим целям национального государства.

Последующий уровень – реальное обретение статуса равноправного участника мирового сообщества. Реализуется в борьбе за утверждение международного престижа государства. Включает:

- вступление в основные международные организации, заключение систем международных договоров, фиксирующих статус национального государства;

- борьбу за реальное право ведения независимой политики, реализующей собственное видение национальных интересов.

Логически далее следует уровень обретения законных и справедливых границ, то есть обретение и сохранение государственного суверенитета над территорией естественного, традиционного расселения нации.

Обращаясь к отечественной ситуации, скажем, что один из самых кардинальных интересов состоит в обеспечении исторической динамики России.

Особенность российской цивилизации не в полиэтничности, многоконфессиональности и т.д., а в сочетании распыленности этносов с компактностью их проживания, в отсутствии естественных границ, на которых можно было бы закрепится окончательно, в континенталь-

ности территории с характерной удаленностью от морей, в характере взаимоотношений с соседними цивилизациями. В данном аспекте можно определить цивилизационную специфику России как ядро континентального евразийского блока, системы государств, объединенных общей структурой безопасности. Свой континентальный масштаб Россия реализовывала постепенно, расширяя на разных этапах своей истории масштабность подконтрольных центру евразийских территорий. И имперский, и советский периоды характеризовались неуклонным ростом пространственного объема русских земель, тяготея к достижению границ самого евразийского континента. За каждым отступлением от этого правила следовал новый пространственный рывок, сопровождавшийся новым, более универсальным осознанием народом своей миссии. Континентальное объединение, складывание вокруг России континентального блока проходило в разные времена под разными знаменами: как присоединение земель к Российскому государству, как завоевания смежных территорий, как колонизация неосвоенных пространств, как добровольное объединение с дружественными державами, как стратегический союз соседних государств, как общность режимов со сходными идеологическими ориентациями. Но геополитическое содержание оставалось одним и тем же – Россия неуклонно шла к организации континентального блока (8).

Исследование целесообразности политики России, в соответствии с ее новой идентичностью, необходимо рассмотреть через особенности геополитической идентичности. Цивилизационные и геополитические задачи России тесно переплетаются в истории. Россия способна успешно выполнять геополитические функции в Евразии только с позиций ее европеистской культурной просвещенности. Лишенная подпитки европейской культурно-цивилизационной традиции, Россия оказывается неинтересной и ненужной на собственном Востоке, способном найти в современном мире и более культурные, и даже более культурно-европеистские (на-

пример, Турцию) центры притяжения. Замечено и то, что Россия оказывалась значимой в Европе не только своей самобытностью внутри христианской культуры, но и своим евро-азиатским геополитическим потенциалом. Геополитически слабая Россия, как показывает история, игнорируется Европой, у которой есть собственные не только культурно-цивилизационные, но и геополитические критерии «удельного веса» того или иного государства (9).

Один из современных отечественных геополитиков В.Л. Цымбурский «разводит» понятия и образы России и Евразии, предпочитая говорить о России в Евразии, но не о России-Евразии. По его мнению, Россия сегодня находится в «контрэвразийской» фазе своего геополитического развития, обретая себя в противостоянии Великому Лимитрофу, и посредством его – в отношении к Европе и Евразии в целом. В конечном счете, подобное геополитическое самоопределение России выглядит как концептуальное «уплотнение» ядра геополитического образа; если эта операция удастся, тогда можно говорить и о наращивании последовательных образных «оболочек», включающих те или иные регионы Евразии и мира. Задача «уплотнения» ядра геополитического образа России непосредственно связана и с трансформацией его структуры (10).

Свои исторические «звездные часы» Россия переживала тогда, когда ее цивилизационная идентичность и геополитические задачи были гармонизированы, то есть, в ходе осуществления европейской культурной «миссии» на своем собственном российском Востоке. Именно высокий тонус культуры обеспечивал России как уважительное принятие ее в семью народов европейско-христианской цивилизации, так и лидирующее положение на евро-азиатской геополитической платформе.

Цивилизационный прогресс России, ее цивилизационная идентичность зависит от следующих важных факторов.

1. Учитывая ограниченные возможности России на современном этапе, целесообразно направлять национальные ре-

сурсы на образование, как основы для будущего технологического и цивилизационного прорыва нации.

2. Сохранить существующую технологическую идентичность, основанную на том, что даже в тех случаях, когда в России осуществлялись технологические прорывы, происходила адаптация новых методик к национальному контексту, заимствованные модели использовались для усиления своей собственной национальной идентичности. Периодически черпая в Европе техническое вдохновение, Россия использовала технологии инструментально, отрывая (по мере возможности) их от культурного контекста. Этот принцип принято называть «модернизацией без вестернизации».

3. С цивилизационной точки зрения Россия должна вернуть себе статус европейской державы, интересы которой лежат, между тем, преимущественно на Востоке, где Россия призвана отстаивать идеи просвещения, гражданских прав, хозяйственной и культурной автономии личности. В то же время, Россия не может не представляться во взаимоотношениях с Западом как геополитически евразийская держава, со своим особым типом государственности, возросшим на особости геополитических задач (11).

4. Способствовать сохранению пространства использования русского языка – поддерживать его информативную и коммуникативную значимость.

Стихийное включение отдельных территорий России в процессы глобализации могут нанести ей серьезный ущерб. Поэтому перед народом и государством стоит проблема осознать и принять новую реальность – цивилизационную целостность России – и соответствующим образом вплести национальные интересы страны в современное мировое культурно-информационное пространство. Этого нельзя сделать без учета противоречивости процессов глобализации.

Если существование национальных интересов константно, то структура и иерархия их с течением времени подвержена изменениям. Постоянно меняется мир в целом. Изменяется, и часто весьма су-

щественно, геополитический контекст конкретного государства. Формируется новый расклад сил, утверждаются новые технологии, приходят новые идеи. Наконец, изменяется само общество – все это приводит к изменениям в понимании национальных интересов. Поэтому проблема интересов постоянно находится в поле общественного внимания.

Концепция национальных интересов – важнейшая доктрина, делающая политику прогнозируемой. Она позволяет предвидеть поведение политического руководства страны как извне, так и внутри, позволяет обществу осуществлять контроль за властью.

Основанием для коренного пересмотра концепции национальных интересов могут быть крупные социальные революции или цивилизационные сломы. Либо мировое сообщество сталкивается с авторитарным режимом, отменяющим устойчивые конвенции и заявляющим от имени общества, устраненного от обсуждения этих проблем, новую концепцию интересов.

Из сказанного выше вытекает: концепция национальных интересов мало подвержена изменениям на уровне базовых положений, однако подвижна на уровне частных моментов, учитывает изменения геополитической реальности и тенденции общемирового развития.

Национальный интерес – не карта, где можно начертать направление своего движения. Сердцевина процесса принятия решений... не поиск наилучших средств служения национальному интересу, уже хорошо известному и понятому. Это – определение самого интереса: оценка национальных ресурсов, потребностей, связей, традиций, политических и культурных горизонтов — «своего календаря ценностей» (12).

Из национальных интересов вырастают политические цели. Интересы же различаются как мерой значимости, так и актуальностью. Соответственно вырастающие из них политические цели могут быть близкими и отдаленными. Если в ближайшее время реализация конкретного интереса невозможна, но отказ от него

также не представляется оправданным, этот интерес формулируется как стратегический, реализация которого отодвигается в будущее.

Из этого вырастает требование реалистичности и ресурсной обеспеченности концепции национальных интересов. Она должна быть соразмерна силам и ресурсным возможностям, общему потенциалу государства.

Еще одно требование к концепции национальных интересов – способность к развитию, учету реалий, ассимиляции новых фундаментальных идей и представлений – вытекает из всего предыдущего и отчасти затрагивалась выше.

Концепция интересов ассимилирует своеобразие эпохи и понимание ближайших перспектив развития. К примеру, такие факторы современной реальности, как глобализация или рост значимости экологической составляющей человеческого бытия, учитываются общественным сознанием и находят свою конкретизацию в сфере национальных интересов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шейнис В. Национальные интересы и внешняя политика России. <http://www.inemo.ru/miemo/2003/mem042003r.htm>.
2. Бэттлер А.. Национальные интересы, национальная и международная безопасность // Политические исследования. – 2002. – № 4. – С. 158.
3. См.: Капустин Б.Г. «Национальный интерес» как консервативная утопия // Свободная мысль. – 1996. – № 3; Межуев Б.В. Понятие «национальный интерес» в российской общественно-политической жизни // Политические исследования. – 1997. – № 1; Rosenau J. Turbulence in World Politics. – L., 1990.
4. См.: Кандель П.Е. Российские национально-государственные интересы и заурядные отечественные парадоксы // Pro et Contra. – Т. 6. – № 4; Салмин А.М., Изнанка внешней политики: внутренние факторы в системе связей, обязательств и проектов Российской Федерации // Политика. – 2001. – № 5.
5. Ричард К. Диалоги о Европе. – М., 2002.
6. Morgenthau H. Politics among Nations: Struggle for Power and Peace. – N. Y., 1948.

7. Яковенко И.Г. *Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы.* – Новосибирск, 1999. – С. 207.

8. Дугин А. *Основы геополитики.* – М., 1997. – С. 227.

9. Кара-Мурза А. *Дуализм российской идентичности: цивилизационное западничество versus геополитическое евразийство.* © Русский Журнал, 1998. <http://evraz-info.narod.ru/14.htm>.

10. Цымбурский В.Л. *Россия – Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика.* – М., 2000.

11. Кара-Мурза А. *Дуализм российской идентичности: цивилизационное западничество versus геополитическое евразийство.* © Русский Журнал, 1998. <http://evraz-info.narod.ru/14.htm>.

12. Яковенко И.Г. *Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы.* – Новосибирск, 1999. – С. 194.

Об авторах

Бабошин Василий Викторович, заведующий кафедрой организации деятельности сотрудников милиции общественной безопасности ВИПК МВД РФ, кандидат социологических наук, подполковник милиции. Научные интересы – национальные интересы России на Северном Кавказе, социокультурные проблемы современности, исследования идеологии толерантности и национальной терпимости.

Майборода Эльвира Тагировна, кандидат философских наук, докторант кафедры социальной философии и этнологии СГУ. Научные интересы – этноконфликтология, политическая регионалистика, этногенез и этнические процессы.